

"Зато мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей.
А также в области балета,
Мы впереди планеты всей..."
Юрий ВИЗБОР

СОЖЕТ под названием "Щелкунчик" во всём мире считается русской сказкой. Иной раз даже... русской народной. На обывательском уровне. Интеллектуалы, хотя бы изредка читающие книги, в курсе, что была немецкая основа. Так вышло — балет Чайковского значительно популярнее истории Гофмана. Поэтому нет ничего удивительного, что все театральные и кинематографические вариации на тему "Щелкунчика" в значительной степени соотнесены с музыкой Петра

зочных королевств. (Нынешние фильмы всё чаще напоминают компьютерные игры с набором ходов и выходов, с артефактами, загадками и целями, а посему термин "квест" вполне уместен). Чудеса толерантности на этом не заканчиваются: дева-механик — только начало! Повелитель механических кукол — герр Дроссельмейер — почему-то негр (Морган Фримен). Негр! Я обращаюсь к этому нормальному слову, принятому у людей советского поколения — мы в детстве жаждали не каких-то распылчато-условных афроамериканцев, а — негритят, которых угнетали именно те господа, что нынче учат весь мир демократии. Я оставляю за собой право говорить так, как меня учили в советской школе — в

довишное, отталкивающее, отнюдь не сказочное зрелище. И при всём том, повторюсь, заявленное, как "позитив". Если вспомнить сюжет самого Эрнста Теодора Гофмана, то в его тексте заключён вековой ужас городского еврейца перед нашествием серых, прожорливых и хвостатых. Мыши и крысы клеймились, как враги человека — они уничтожали продовольственные запасы и разносили инфекционные заболевания. Множились вариации на тему Гамельнского крысолова (Rattenfänger von Hameln) — человека, спасшего жителей от нашествия. Мышиный Король Гофмана и старая Мышильда — это образы гибели и упадка. Образ пожирания всего и вся. В литературном первоисточнике очень жёстко явлено, как некое королев-

МЫШИНОЕ КИНО

О фильме «Щелкунчик и четыре королевства»

Ильича, и в гораздо меньшей — с германским первоисточником. Ибо мы — в области балета! Впереди и, кажется, навсего, несмотря на старания модернизаторов искусства и всяко-разных горе-критиков. "Щелкунчик и четыре королевства" (2018), снятый режиссёрами Лассе Халльстрёмом и Джо Джонсоном, являет собой логическое продолжение сказки — в нём действует уже дочь Мари (Маши) — Клара, которой и предстоит спасти мир от вселенского зла. Всё в духе и стиле голливудских блокбастеров — избранный одиночка-луп Земля, обладающий артефактом, преодолевает мглу. Или — жестокую, вероломную королеву с чарующим именем Сахарная Слива (вечная Кира Найтли, играющая во всех сколько-нибудь значимых костюмных лентах). О чём речь? Отроковица Клара (Маккензи Фой) — не просто девочка-припевочка, любящая платица и кукол, но — талантливый вундеркинд. Как водится, в плане инженерных технологий. Это вообще генеральная линия современных мелодрам, сказок, исторических приключений и полицейских "стрелялок": главгером будет непременно женщина, умеющая вскрывать сейфы одним движением ...нет, не шпильки, а высокотехнологичного супер-ключа, ею же изобретённого. Умница-красавица, всех загоняющая в тупик. Мужики — в обмороке, или — тупо разводят неумелыми ручками. Вот и в новом "Щелкунчике" подросток с бантиками способен обшопотать достославного мастера Дроссельмеера. Клара с ходу определяет, что помолано в хитроумной конструкции "с лебедями", после чего ей даётся задание. Головоломный квест, определяющий как судьбу Клараы, так и дальнейшее существование ска-

том числе, на политинформациях. И я, воспитанная в духе здорового интернационализма, не понимаю, зачем делать из немецкого бюргера начала XIX века — чернокожего "дядю Тома". Этого оказалось мало создателям картины — у них и Щелкунчик тоже из негроидов (Джейден Фовора-Найт). Балерина, танцующая под музыку Чайковского ... ну, вы понимаете, что не белая. Мисти Коуплэнд — мулатка-прима American Ballet Theatre, прославившаяся своей пробивной силушкой — а она первая темнокожая солистка этого престижного заведения. Также она блеснула книгой-открытием "Нетипичная балерина". Да. Коуплэнд — крупновата, широковата и большенюга. Но кто сказал, что с такими данными надо идти в бодибилдинг и прочий ломовой фитнес? Нет, деточки! Токмо в балет, где издавна царили худышки скромных форм. "Я не позволила им втиснуть меня в стандартные рамки", — констатировала могучая Мисти. Вся эта дикая и — кромемало-пещерная толерантность давно уже выглядит, как "расизм наоборот". В мире, где призы, роли, место раздуются за цвет кожи, пол, сексуальную ориентацию и наличие инвалидности — обречён на цивилизационный коллапс. Что мы и наблюдаем, глядя, как под знакомые мелодии передегаётся мощная и чёрная атлетка в игровом белом паричке.

Однако и на этом перевёртыши не заканчиваются, ибо мыши здесь — полужителные персонажи, а Мышиный Король — это не гигантская мышь в короне, как мы привыкли и даже не трёхглавая мышь-мутант, как в одном из мультфильмов. Это — конгломерат мышей, собирающихся в единую фигуру, силуэтом напоминающую грызуна. Чу-

ство оказалось буквально терроризировано мышами — в отместку за то, что им не дали съездить всю еду, приготовляемую на кухне. За то, что их посмели (!) убивать. Сказка — ложь, да в ней намёк. Добрым молодцам — урок. В XVI-XIX веках — в эру механики, техники, химии — постоянно выдумывались новейшие виды мышеловок и других способов уничтожения противника — морить серую банду — это оградить самих себя от мора. Этих безобидных с виду и — нестрашных по отдельности — зверьков изничтожали с объяснимой ненавистью. Хотя, дамы падали в обморок и от вида одного-единственного мышонка. Инстинктивное отвращение! Он — смерть. И бескорыстная, как нам кажется, любовь к кошкам — это признательность Мурке за избавление от мышиных королей. Всё изменил чистоплотный и стерильный XX век с его общедоступной гигиеной, водопроводом и канализацией. Милейших крысок заводят себе ребята-панки, а мышей никто не боится. Даже причёссы. Но традиционно, генетически мы не можем любить Мышиных Королей — это противоестественно. Однако нынешняя толерантность касается всего и вся — и крысиных полчищ.

Итак, путь Клары Штальбаум — девочки-инженера (sic!) лежит в Королевство Сладостей, возглавляемое Сахарной Сливой. Перед нами — громадный красный чертог, в котором угадываются и собор Василия Блаженного, и питейский Спас на крови, и ещё ряд храмово-дворцовых сооружений, подсмотренных авторами в пугеветителях по России. Охраняют ворота раскристанные гусары — воспоминание о 1812 годе. Придворная обстановка — русский галлантный век, украшенный и эстетизированный, однако же, узнаваемый.

Слива — некая пародия на Екатерину Великую — помпезна, коварна, любит военных. Красивых-здоровенных. В кадре — установка, превращающая игрушечных солдатиков в металлических воинов, каждый из которых — копия императора Николая I — усы, каска, ботфорты и — оптимистически выпученные глаза. Выбор — понятен. Батюшку-царя Николая I и — Россию именovali когда-то "жандармом Европы". Авторы фильма со всей очевидностью, беззащитенво намекают на Россию, Империю Зла. Я уже с трепетом ждала появления оживающих гипсовых пионеров с автоматом Калашникова или ещё каких-нибудь хтонических девушек с вёслами, но декораторы ограничились имперской и старо-московской эстетикой. Разумеется, в этом дивном королевстве центральное зрелище — это балет. Большие того — он показан, как основа их цивилизации и важнейшее средство пропаганды. Да-да, мы — в области балета!

Публицист Егор Холмогоров отметил: "...В сахарной упаковке им (детям) предлагается кислая фига с незамысловатыми мотивами западной русофобской пропаганды: коварные русские — жестокая тоталитарная империя и источник угрозы единому миру, которым должны потомственно править истинные англичане, американцы — страшноватые рыжие клоуны, которые, однако, служат добру". Я бы добавила, что это не русофобия, а европо-фобия. Извечная вражда англосаков ко всем "континентальным" народам. Тут и немцы в дураках. Зачем-то ведь перенесли действие из Германии — в Лондон! Никаким образом это не влияет на повествование — это сакральный жест. Зачем это надо? Идём дальше — будет ясно. Антагонист

Сладкой Сливы — королева Страны Развлечений, матушка Имбирь (Хелен Миррен). Она — рыжая, сильно крашенная, носящая мужское платье, а в финале появляющаяся в преувеличенно-пышных юбках, с высокой причёской из искусственных, огненных волос. Если хорошо приглядеться, это — Елизавета Тюдор, кумир англосаксонского, протестантского мира. Та, что победила испанскую армаду и утвердилась в качестве владычицы морей. И — владычица капиталов. При этом, героиня Хелен Миррен великолепно орудует ковбойским хлыстом — символом Дикого Запада. Её владения — это стивенингсовский парк, где за каждый уполм тянутся клоуны-убийцы и клоуны-уродцы — и этот мир по логике авторов должен не только противостоять, но и — победить "русскую" Сливу с её "николашками" в ботфортах. Он — положительный, как и Мышиный Король! Понимаете? Смыслы-перевёртыши, наперное, где-то забытые с точки зрения взрослого постмодернизма, совершенно омерзительны в пространстве детской новгородной истории. И, конечно же, Сахарная Слива повержена, а матушка Имбирь провозглашает мир во всём мире. Rule, Britannia! America! America! God shed his grace on thee! По законам блокбастеров девочка Клара по-могла спасти Галактику, а Сахарная Слива превращена в безобидную и очень добродушную куколку. Да. Только в таком смешном, кукольном виде мы — континентальные европеицы — им приятны, а главное — не страшны. Что же касаемо чёрнынького Щелкунчика с положительными крысками — это так, в угоду внутренней политкорректности. Главное тут — правь, Британия!

Галина ИВАНКИНА

ВСОЗНАНИИ русского человека Козьмы Петрович Прутков — фигура вроде Деда Мороза (или — Ивана Андреевича Крылова, но об этом сходиме — позже): нечто яркое, громогласное, праздничное — но и не совсем реальное. К такому восприятию он, конечно, даёт некоторые поводы — чего стоит всем, как надеюсь, известный факт из ряда вон выходящего его рождения не в младенческом, как то обычно бывает, а в довольно таки зрелом возрасте — при содействии трех или четырех отцов, являющихся одновременно, в некотором смысле, и его сыновьями.

И всё же...

Как ни странно, более реальным человеком может предстать Козьма Петрович в глазах иностранцев, которым он должен быть симпатичнее не меньше, а то и, в некоторой степени, даже больше, чем нам. И вот по какой причине: в Козьме Петровиче выразилось, помимо прочего, желание упорядочить малоподдающуюся порядку русскую натуру, заключить её в некий четкий очерченный контур с очень важным внутренним содержанием, но, при этом, придав всей этой конструкции, по чисто внешним приметам, комически-юмористический вид (последнее должно быть в особенности близко англичанам). Что, на мой взгляд, более чем удалось — на-

мозгами, качество: "Отсутствие в глазах определенности, неустойчивость, то насмешливости, то безумная решительность, и, наконец, непонятное выражение превосходства".

Но одно дело интеллектуалы-иностранцы, а другое дело — простой русский человек, знающий предмет их изучения, что называется, не понаслышке, а посему чувствующий себя в произведениях Козьмы Петровича, как рыба в воде, и с удовольствием в ней плавающий то бросом, то кролем. И, допуская, даже открывающийся и пускающий ртом струи от стихийного полноводья испытываемых при этом заплытые чувств.

Скажу больше — тот чистый русский дух, который веет от произведений Прутовка, и мало что понимающим в нём иностранцам может дать гораздо большее понятие о носителе этого духа, то

рой снимается очень беспокоящий многих, слышавших о Пруткове, но не читавших его, вопрос о некоторой двусмысленности, порождённой как бы не вполне реальным существованием Козьмы Петровича в его чисто человеческой ипостаси. Ибо и не вполне реальная фигура, фамильярно именуемая "дедушкой Крыловым", тоже почти начисто заслонилась в сознании читателей вполне реального человека Ивана Андреевича Крылова.

Даже внешнее сходство Крылова, никем, если я не ошибаюсь, не подмеченное — правда, не с самим Козьмой Петровичем, но с его не менее даровитым дедом Федотом Кузьмичом, — содействует этому тесному родственному соседству. Да и в сознании русских читателей Крылов и Прутков стоят совсем рядом.

92. Чрезмерный богач, не помогающий бедному, подобен здоровенной кормилеце, сосущей с аппетитом собственную грудь у кельибли голодающего дятла.

93. Магнит показывает на север и на юг; от человека зависит избрать хороший или дурной путь жизни.

94. На чужие ноги лосины не натягивай.

95. Человек разведет снизу, а не сверху, — для того, что две опоры надёжней одной.

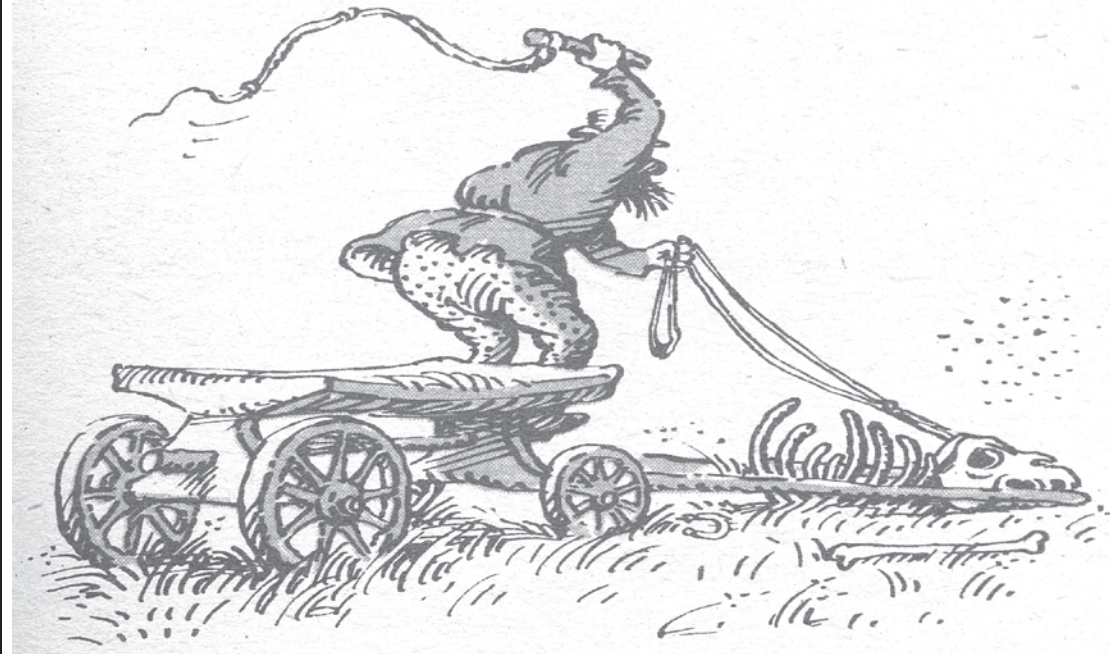
И т.д.

Прошу учесть, что я привожу лишь наугад взятые афоризмы, причём взятые с первой открывшейся страницы, а сколько их ещё!

Допускаю, что простоты, на грани наивности, афоризмы Прутовка кому-то могут показаться неуклюжими, плоскими, чтоб не сказать больше. Со-

ГЕНИЙ РУССКОГО АБСУРДА

Вспоминаем Козьму ПРУТКОВА

Бывает, что усердие превозмогает и рассудок.

Из иллюстраций к афоризмам Козьмы ПРУТКОВА (1987). Художник Сергей ТЮНИН

столько, что эти чисто внешние приметы не очень сведущими в подобных фокусах людьми стали приниматься за внутреннее содержание.

Вот этот-то аспект, вернее — две его стороны: статичную завершенность внешней формы и текущее внутреннее содержание, чисто интуитивно и, хотя и не в полной мере, но всё же — может оценить западный интеллект. — поклонник Достоевского, например, — находящийся в плену его не очень внятной теории о загадочной непостижимости русской души. Ибо, развешивая её с явной и недвусмысленной ясностью, монументальной своей особой Козьма Петрович одновременно её же и подтверждает. Чем может озадачить, поразить и смутить (если попросту не повергнуть в оторопь) нашего гипотетического западного интеллектуала — своей проступившей сквозь первый, поверхностный слой, вроде бы начисто уничтоженной сложностью, равно как и следующим слоем загадочности, весьма отличной от загадочности Достоевского, — хотя последний, если кто не знает, и сам находился под изрядным влиянием своего коллеги и современника. Свидетельство тому — его стихотворные экспромты, но также и многие прозаические пассажи.

Кстати, то, на объяснения чего я потратил столько слов, сумел уловить корреспондент одной из американских газет, эпизодически промелькнувший в популярном фантастическом романе советского графа Алексея Толстого, отменивший в характере большей части русских людей вот какое, с трудом поддающееся осмыслению западными

бишь — русском национальном характере, более всего же о позитивной его стороне. Гораздо больше, чем Чехов, Толстой и Достоевские, вместе взятые. Причём без всякого там психологизма, тем более — противоречий и душевных бездн, характерных в особенности для последнего из приведённого ряда; ряда, который я выстроил, исходя из степени популярности этих имен на Западе — несмотря даже на то, что и сам Козьма Петрович, и составляющие с ним единое целое его многочисленные родственники — это довольно типичный по органическому сочетанию простоты и сложности русский человек послепетровской эпохи: со всеми присущими ему как лучшими, исконно русскими, так и худшими, доставшимися от нововведений того же Петра, качествами. И, тем не менее, бунтующая против всех этих заимствованных русскость так и прёт из него, как говорится, из всех щелей. Недаром так часто в его произведениях по любому поводу демонстрируется отменное толстовским американцем (Смайли, кажется, его фамилия!) превосходство русского над иноземным, зачастую самым неожиданным образом, буквально, как это часто у него бывает, ни с того ни с сего.

Говоря обо всём этом, нельзя не приписать едва ли не единственного по-настоящему хоть как-то сопоставимого с Козьмой Петровичем автора. Я имею в виду монументальную, могучую, при этом — очень домашнюю, и, главное, не уступающую Козьме Петровичу по славе фигуру баснописца Ивана Андреевича Крылова, в связи с кото-

Отсюда почти неизбежно возникающий вопрос: а не является ли Прутков в какой-то мере продолжателем Крылова, а то и пародией? В какой-то мере, может быть, и да; однако гораздо точнее было бы сказать, что он — его обратная, неупорядоченная сторона. А понятие упорядоченности (я бы даже сказал — промыслительной, Божественной упорядоченности) крайне важно для Крылова — без неё цельный, плотный, ладно подогнанный в своих элементах мир попросту бы рассыпался на ничем не связанные между собой фрагменты. Что, как может показаться, происходит у Прутовка, строящего свой дом из каких ни попадя подвернувшихся под руку материалов, к времени постройки утративших смысл своего назначения и кой-где даже пришедших в ветхость.

Да, в основе творчества Крылова лежит добродушный, всепрощающий юмор, опирающийся на чисто русское понятие о здравом смысле; в творчестве Прутовка — малопонятный другим народам чисто русский абсурд, не считающийся, на первый взгляд, со здравым смыслом и даже категорически его отвергающий, хотя это далеко не так.

Посему нетрудно догадаться, что по подмеченной нами причине его творчество в полной мере вряд ли оценит западный прагматический читатель, приученный различать в жизни только чёрное и белое, и несколько теряющийся при их смешении и появлении в результате какого-то нового колера.

И ещё один аспект этой же темы. Читая Прутовка, уже не раз упомянутый иностранец может получить подтверждение (правда, ложное) своего превосходства над русскими, которое, как известно, он считает многократно доказанной данностью и не подвергает ни малейшему сомнению. Ибо Козьма Петрович, лепя из многих разнородных деталей свою личность по образу живущего в его представлении поэта, как будто бы нарочито утрирует в нём как раз русские крайности: алогичность, непоследовательность, распирание собственной полноты до каких-то невымыслимых, не могущих быть ограниченными какими-либо рамками, пределов.

Впрочем, у него же этот иностранец мог бы найти такого же утрированного до тех же трудноуловимых пределов и своих собственных соотечественников, и самого себя. Например, в одной из глав "Исторических материалов моего деда", носящую название "Лучше побольше, чем поменьше", где "некий австрийский интендант, не замедлив после Утрехтского мира задать пир пиратерым своим соратникам, предвительно наказав майордому своему подать на стол пять килек, по числу ожидаемых. А как один из гостей, более против прочих простоватая имеющий, распорядился на свою долю заместо одной двумя кильками, то интендант, усмотрев, что чрез сие хврейший из соратников Бременсбург фон Экштадт определённой ему порции вовсе лишился, воскликнул: "Государы мои! Кто две кильки взял!"

К слову: не у Крылова, как можно было бы предполагать, а именно у того же Прутовка выражены также и крайности русских представлений о мире и порядке. Я подразумеваю здесь даже не знаменитый "Проект о введении единоумия в России", но "Плоды раздумья", где означенное качество воплотило себя в ёмкой, афористичекой и исчерпывающей форме. Напомню лишь немногие из них — те, где присутствует глубокий, внушенный Евангелием смысл.

глашусь: иногда эта простота блистает золотом, иногда она хуже воровства, но даже при зачастую наличествующем у всегда блистательного Козьмы Петровича постоянном балансировании на грани банальности, иногда пошлости, определённой доли скрабренности даже, ему удаётся сохранить физиономию необыкновенно важную, без всякого намёка на какую-либо двусмысленность, которую он не допускал ни в коем случае — ни в афоризмах, ни в каких либо видах своего творчества. Басня "Червяк и Попадь", например — достойный тому пример.

Впрочем, достоинства Козьмы Петровича как прозаика или поэта при всей явной выраженности его дарований в этих областях всё-таки не столь очевидны, как его бесспорная гениальность в области драматургии, где его объявляют даже (и не без оснований!) предшественником новой абсурдистской драмы, опередившей появление оной едва ли не на сто лет. Но не только поэтому, конечно. Трудно найти в русской драматургии произведение, где с такой исчерпывающей полнотой нашли бы воплощение едва ли не все архетипические особенности русской, да что русское — мировой, как в прутковской мистери "Сродство мировых сил", в особенности в начальном и финальном монологах главного героя: в них — значительная часть Шекспира, едва ли не весь Пушкин, бесспорно — весь Гёте, и многие, многие другие литературные столпы.

И — самое главное: несмотря на комические и даже ёрнические снижения очень важных для русского самосознания тем и идей, произведения Прутовка совершенно лишены, тем не менее, обычного в таких случаях налёта бесовщины, столь характерной для наших дней, — и от которой в ранних своих вещах были несомненно ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Гоголь, ни многие другие. В случае же Прутовка — случай редчайший! — комический аспект целиком определяется избытком русской игровой весёлости, начисто лишённой того разлагающего душу сатанинского или, в лучшем случае, томительно-прелестного элемента, которое, повторюсь, зачастую присуще даже самым высоким образцам как русской, так и мировой словесности. А раз она не бесовская, то почему бы тогда не предположить (а такую попытку я и делаю, но, заметьте, весьма робкую), что она Божественна — в том смысле, в котором о ней не раз говаривал дальний английский родственник и наследник Козьмы Петровича по фамилии Честертон, значительно уступающий, между прочим, ему в глубине. И сродни той, о которой мы получаем понятие, знакомые с того же свойства парадоксальными и даже комическими эпизодами, довольно часто наличествующими в текстах Житий Святых.

Пожоже, зарзавишись примером героя этих заметок, я здесь, кажется, хватил лишку; однако устранять эту оплошность у меня нет никакого желания. Ибо многие, претендовавшие в своё время на бессмертие, совершенно справедливо исчезли из памяти потомков, а вот Козьма Петрович по-прежнему возмывается над русской нивой — не только литературной, — как могущий дуб из его бессмертной мистерии, носящей символическое, если взять в расчёт нашу концепцию название; только, в отличие от последнего, не сломанный грозой и не сожжённый молнией.

Виталий ЯРОВОЙ

АПОСТРОФ

Георгий Павленко. Зима на Сенатской площади. — М., 2019. — 184с.

3А ПОСЛЕДНЕЕ время исторические исследования на темы "декабризма" как-то вышли из "научной моды"... Исчезновение идеологического "заказа" на реализацию "декабристов", пожалуй, нельзя не попригласовать, а вот потерю исследовательского "интереса" к данной теме — попригласовать нельзя... Книга исторической эссеистики Георгия Павленко, увидевшая свет в декабре — едва ли не в очередную годовщину "восстания на Сенатской площади" — доказывает, что некий "свежий" и нетрафаретный взгляд на данный сюжет отечественной истории — возможен...

"Эта небольшая книжка, — с вызовом объявляет автор, — готова противостоять не просто против книжных шкафов, а против целых библиотек, битком набитых монографиями, "научными" трудами, альманахами, поставившими перед собой цель выставить т.н. "декабристов" самоотверженными борцами за народную свободу, готовых самим влезть хоть в кандалы, лишь бы сбросить путы крепостной неволи с родного крестьянина. По-пустому, разумеется, тепло говорится об их исключительных душевных качествах, об их уникальном образовании, наконец, и об их литературных дарованиях, которые ставятся чуть ли ни в один ряд с А.С. Пушкиным..."

Автор не "проникал" ни в какие "сверхсекретные архивы", он лишь "поменял оптику" исследовательского взора на давно, казалось бы, обнаруженные и изученные "вадо и поперёк" материалы и документы... Подобная "перемена оптики" оказалась весьма продуктивной... Г.Павленко (не скрывая, впрочем, своих православно-монархических убеждений) стремится "без гнева и пристрастия" подходить к предмету своего исследования... Он "не тратит время на изрекание проклятий в адрес вставших и тех, кто поёт им дифирамбы. Он берёт исключительно основные, руководящие материалы (недоступные широкому читателю не в силу их засекреченности, а в силу того, что мы, как известно, "ленивы и нелюбопытны" (А. Пушкин)), и без особого труда показывает, на каком месте стоят в этих документах вопросы об отмене крепостного права, в какие сроки её планируется проводить, и к какому результату должно было прийти российское общество в результате реформ. И тут открывается одна очевидная, но неочевидная (для большинства из нас) картина — оказывается, и Государь и Правительство Империи планировали куда более радикальные, и — главное — продуманные и обоснованные преобразования, чем сами декабристы!"

Не станем, впрочем, излишне идеализировать: Императорское Правительство не удалось "окончательно" решить крестьянский вопрос (как и рабочий, кстати). Но сие никак не служит к "оправданию" всякоразных "революционных демократов" и прочих незванных "освободителей" Русского народа. Неумолимая логика ревдемовских проектов (включая самые ранние среди них, "декабристские", скрупулёзно разобранные автором) вела к "раскрестьяниванию" и господству "династии кагановичей" (сей горький воплот принадлежит Ив. Солоневичу). Тогда как логика "реакционных", консервативно-монархических проектов и преобразований имела целью "улучшить" вещественное экономическое положение рабочего класса (не ошибёмся, ежели добавим: и крестьянства, ибо речь у наших консервативно-монархических идеологов и практиков идёт вообще о положении трудящихся классов — Р.Р.), настолько, чтобы при неизбежном (к несчастью) дальнейшем практическом общении с Западом русский простолюдин видел бы ясно, что его государственные, сословные и общинные "цепи" гораздо удобнее для материальной жизни, чем "свобода" западного пролетариата" (К.Леонтьев).

О "народоплобии" декабристов сказано достаточно (впрочем, их "солдатолобие" тоже весьма специфично (а то такие солдаты той поры? — тот же народ, но одетый в шинели): дабы вывести хоть какие-то солдатские массы на Сенатскую площадь, их пришлось... обмануть). Да и сам масштаб "декабристского" движения крайне преувеличен позднейшими "ревдемовскими" панегиристами: едва ли десятая часть офицеров, входивших в разное время в "тайные общества", приняла действительное участие в попытке переворота, а не в салонной "прогрессивной" болтовне. Об этом также подробно повествует Г.Павленко. Поистине точен приговор П. Чаадаева: "вся будущность страны... была разыграна в кости несколькими молодыми людьми, между трубкой и стаканом вина"... О фигуре Петра Чаадаева стоит сказать особо... Два очерка, посвящённые сему таинственному любуумудру, поистине, составляют не только композиционный, но и смысловой центр книги... Философия Петра Чаадаева есть некое "der andere Anfang", "Другое Начало" для Русской Философии, Начало, "что началось, и быть молло, / И стать не возмолго" (Вяч. Иванов). Однако, то, что "не возмолго стать" в ситуации начала XIX века, весьма возможно, "быть сможет" в духовной ситуации начала века XXI... Мысль Чаадаева, хронологически предшествовавшая и западническому "теизму", и славянофильскому "антитеизму", онтологически предсдержала их синтезис... Впрочем, се — отдельная, значительная тема, коей стоит посвятить отдельное рассуждение... Не покушаюсь на сие в рамках книжной рецензии, заключаю ея нашей искренней рекомендацией всем отечестволюбам и ревнителям Истории наших Предков, "такой, какой нам Бог ея дал", добropолезной и занимательной книги Георгия Павленко...

Роман РАСКОЛЬНИКОВ

Книга Игоря ШУМЕЙКО "10 мифов об Украине".
Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Н.И. ЛИБАН. "Русская литература. Лекции-очерки" в 3-х томах. — М.: "Прогресс-Плеяда", 2014-2015.
Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.